

Г.Н. Мехед

Моральный абсолютизм и ложь во благо

Мехед Глеб Николаевич – кандидат философских наук; e-mail: mekhed_gleb@mail.ru

В данной статье автор рассматривает проблему лжи через призму модельной ситуации, предложенной Кантом в трактате «О мнимом праве лгать из человеколюбия», обсуждение которой в 2008 г. стало катализатором непрекращающейся в российском этическом пространстве дискуссии. В повседневной жизни мы обычно руководствуемся логикой здравого смысла, в рамках которой мы постоянно нацелены на поиск компромисса. Поэтому бывает очень трудно переключиться на другую логику, логику бескомпромиссной морали, когда это необходимо для сохранения морального достоинства личности. Тем не менее демонстрировать бескомпромиссность в повседневной жизни может быть не тактично или даже бессердечно. Поэтому требование Канта и его сторонников говорить правду, и ничего кроме правды, в любой ситуации, даже тогда, когда злоумышленник, преследующий спрятавшегося в вашем доме друга, спрашивает о его местонахождении не соответствует обычным моральным интуициям. Для Канта главной ценностью является внутренняя цельность и моральная автономия субъекта, замкнутого лишь на самого себя, на свое неуменальное, всеобще-человеческое основание. Краткий экскурс в спецификацию и типологию нормативно-этического абсолютизма, предпринятый автором, позволяет определить позицию Канта и его сторонников как абстрактный абсолютизм. В то же время, по мнению автора, отказ от жесткой позиции абстрактного абсолютизма по проблеме лжи не обязательно ведет к отказу от абсолютизма вообще, что продемонстрировано в рамках анализа альтернативных кантовской нормативно-этических позиций А. Гевирта и Н. Гейслера. В заключение автор касается вопроса о возможности совмещения негативно-абсолютистской и позитивно-консеквенциалистской позиции в рамках единой и непротиворечивой нормативно-этической доктрины.

Ключевые слова: этика, моральный абсолютизм, деонтология, консеквенциализм, ложь, Иммануил Кант, Абдусалам Гусейнов, Алан Гевирт, Норман Гейслер

Обсуждение ситуации, смоделированной Кантом в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия», в 2008 г. спровоцировало масштабную по российским меркам дискуссию среди специалистов по этике, которая с разной степенью активности продолжается до сих пор¹. Эта дискуссия позволила максимально прояснить нормативно-этические позиции самих исследователей и разделила их на два неравных лагеря. Меньшинство составили апологеты

¹ О праве лгать / Под ред. Р.Г. Апресяна. М., 2011.

Канта, большинство – его противники. Аргументы и тех, и других были достаточно разнообразны, однако при ближайшем рассмотрении следует признать, что данная дискуссия полностью вписывается в концептуальные рамки противостояния абсолютистов, деонтологов и консеквенциалистов, которое в англоязычной этике продолжается с 60-х гг. XX в. К российской специфике данной дискуссии можно отнести ее подчеркнuto историко-философский характер – так или иначе ее участники сосредоточились на обсуждении именно кантовского примера. Многие оппоненты Канта на основе анализа его работ высказывали мнение, что великий кенигсбергец противоречит самому себе, в то время как апологеты утверждали обратное и призывали лучше исследовать и понять общие философские послышки, из которых исходил Кант, прибегая опять же к историко-философскому исследованию его текстов.

В целом такая историко-философская окраска представляется мне не совсем верным способом постановки и обсуждения проблемы. Заслуга Канта именно в том, что он предельно заострил вопрос о последнем пределе морали, о той самой зоне перехода из компромиссной в бескомпромиссную логику. Поэтому совершенно не важно, насколько последовательно сам Кант в других работах придерживался высказанной им в этом эссе позиции. Впрочем, как мне кажется, позиция Канта в целом является адекватным выражением всего его учения. Она соответствует глубинным установкам его этической системы, о чем более подробно будет сказано ниже. Тем не менее, важность данной дискуссии состоит для меня не в том, что она позволяет «улучшить» Канта в последовательности, а в том, что она поднимает вопрос о природе и сущности моральных абсолютов вообще, а также тех формах, в которых они представлены в структуре морального сознания.

На мой взгляд, Кант и те, кто его поддерживают в данном конкретном случае, не совсем правы – домовладельцу следует солгать злоумышленнику, чтобы спасти друга. Но это не значит, что правы все те, кто выступает против Канта. Резкое расхождение Канта с моральной интуицией обусловлено его нормативной позицией абстрактного абсолютизма, которая, как я уже отметил, в целом соответствует общей логике его этики.

Множество этических кодексов разных культур наравне с запретом на убийство невинных и воровство содержат также запрет на ложь. Не является исключением и иудео-христианская традиция, под влиянием которой сформировалась современная западная цивилизация. Однако во всех ли ситуациях необходимо соблюдать этот запрет? Ведь бывает и так, что ложь может спасти кому-то жизнь или гармонизировать межличностные отношения. В повседневной жизни мы постоянно идем на компромисс со своей совестью и нарушаем запрет на ложь, даже не задумываясь об этом. Умение находить компромисс и чувствовать границы, в которых этот компромисс уместен, полагается нами как одно из главных свойств воспитанного, добропорядочного человека. Собственно говоря, учение Аристотеля о добродетели как умении находить золотую середину имеет в виду не что иное, как умение находить компромисс, оправданный с моральной точки зрения.

Таким образом, базовые этические запреты – не убий, не воруй, не лги, не прелюбодействуй и т. п. – сами по себе довольно абстрактны и их применение в реальной, повседневной жизни опосредовано множеством «но» и различны-

ми оговорками. Как отмечал Р. Хэар, «научение морали» невозможно без выработки способности конкретизировать абстрактные предписания и напоминает этим процесс обучения вождению автомобиля, также связанному с умением применять абстрактные правила к конкретным ситуациям, пониманием тех границ, в рамках которых данные правила уместны².

В повседневной жизни мы обычно руководствуемся логикой здравого смысла, в рамках которой мы постоянно нацелены на поиск компромисса. Поэтому бывает очень трудно переключиться на другую логику, логику бескомпромиссной морали. С точки зрения обыденной логики наименьшего сопротивления, к которой мы все привыкли, бескомпромиссная мораль кажется чем-то иррационально-романтическим и даже героическим.

Следует, однако, признать, что иногда такой героизм требуется для того, чтобы сохранить человеческое достоинство и свободу. Руководствуясь логикой компромиссов, люди могут превращаться в нацистских военных преступников, организаторов и сообщников массовых убийств. Например, как это было в случае с Францем Штанглем, которого путь маленьких ежедневных компромиссов со злом в конечном итоге привел на пост коменданта концентрационного лагеря Трешлинка³. Именно следуя логике компромиссов советские граждане в эпоху сталинского террора и репрессий писали доносы друг на друга и публично отрекались от своих родителей, объявленных врагами народа. Руководствуясь логикой и моралью компромисса, миллионы немецких граждан безучастно взирали на травлю евреев и отказывали им в убежище, в то время как немногие прятали их, отвергая компромисс с нацизмом зачастую ценой собственной жизни. Эксперименты С. Милгрэма⁴ по подчинению авторитету и Стэнфордский тюремный эксперимент Ф. Зимбардо⁵ наглядно продемонстрировали, как далеко в нестандартной ситуации способна завести обычного человека логика и мораль компромиссов.

Важно отметить, что компромиссная мораль обычно начинается именно со лжи. Причем эта ложь настолько естественна, что зачастую даже не осознается, фактически трансформируясь в самообман. Если можно представить себе самое банальное из всех зол, то это будет именно ложь. Если ложь повторяется изо дня в день, то становится чем-то необходимым, без чего уже нельзя существовать. Ложь проникает в сам язык, как это показано в романе Оруэлла «1984». Именно со лжи начинались все тоталитарные системы. И именно отказ от лжи и лживой идеологии зачастую становился причиной распада этих тоталитарных режимов. Мужественный и решительный отказ от повсеместной лжи стал главным оружием борьбы против тоталитаризма в Чехословакии, главным элементом ненасильственной стратегии, разработанной Вацлавом Гавелом.

Тем не менее демонстрировать бескомпромиссность в повседневной жизни может быть, как минимум, не тактично или даже бессердечно. Поэтому таким контринтуитивным кажется требование Канта говорить правду, и ничего кроме правды, в любой ситуации, даже тогда, когда злоумышленник, пресле-

² Hare R.M. The Language of Morals. Oxford, 1960. P. 76.

³ См.: Терещенко М. Такой хрупкий покров человечности. Банальность зла, банальность добра. М., 2010. С. 67–94.

⁴ Milgram S. Obedience to Authority. N.Y., 1974.

⁵ Зимбардо Ф. Эффект Люцифера: Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., 2013.

дующий спрятавшегося в вашем доме друга, спрашивает о его местонахождении. Сторонник Канта может сказать – а почему вообще нам важно согласие с моральной интуицией? Разве должен философ оглядываться на обыденное сознание, разве так уж необходимо всегда прислушиваться к голосу здравого смысла, который упрямо говорит нам, что Солнце вращается вокруг Земли? Однако здесь можно возразить, что нормативная этика – это лишь рационализация и систематизация первичных моральных установок и интуиций. Рационализация и систематизация происходят не на основе чистого разума, из самого себя выводящего всеобщие законы (такое невозможно в принципе, как показал Гёдель), а на основе тех самых интуиций и установок, которые существуют в языке, культуре и т. п. и которые составляют первичный материал для моральной рефлексии. Рационализация может дополнять или прояснять уже имеющиеся моральные установки и эмоции, но она не должна превращаться в их опровержение или противоестественную радикализацию, как это происходит у Канта, потому что это размывает основы самого морального мышления.

Кант исходит из логики идеальной ситуации – в идеальном мире ложь невозможна. Но в идеальном мире невозможна и такая ситуация, в которой злоумышленник будет преследовать кого-то. В идеальном мире воплощенной морали, собственно говоря, мораль как рефлексия вообще становится излишней, поскольку исчезает способность совершать зло, сущее сливается с должным. Следует помнить, что желание подстроить реальность под схему, идею, теорию – главное искушение философов всех времен и народов. У многих же философов критика сущего с позиции должного и – подспудное сознание утопичности своих построений – ведет к тотальному отрицанию реальности. В результате философская теория утрачивает свою связь с реальностью, а реальность, которую теория призвана «прояснить», «упорядочить» или «дополнить», подменяется ее вымышленной моделью. Очень часто такое происходит и в практической философии, в результате чего эта самая философия вообще теряет связь с практикой. Да, Кант прав, когда говорит о том, что добрая воля существует независимо от того, была ли она когда-либо осуществлена в истории. Но эта добрая воля должна быть соразмерна человеческому измерению. Иначе суть морали – ее человеческая, гуманистическая суть – испаряется.

Однако вернемся к проблеме компромиссов в морали. Как определить те ситуации, как очертить ту зону, в которой необходимо выйти из повседневной логики компромиссной морали и «переключиться» на логику бескомпромиссной морали, чтобы сохранить человеческой облик? По большому счету, обоснованием наличия подобной зоны перехода из компромиссной в бескомпромиссную логику (а вовсе не одним лишь настойчивым утверждением бескомпромиссной логики) и отличается моральный абсолютизм от морального релятивизма. Чтобы быть абсолютистом, необязательно быть ригористом, как полагают некоторые участники дискуссии о допустимости лжи во благо по мотивам кантовского эссе. То есть необязательно жестко противопоставлять сущее и должное, достаточно признания наличия в безмерности сущего определенной зоны должного. Иными словами, с Кантом в его примере может не согласиться не только консеквенциалист, но и абсолютист. Однако для того чтобы понять, как это может быть, необходимо подробнее рассмотреть, что такое моральный абсолютизм.

В самом общем виде моральный абсолютизм утверждает, что граница между добром и злом константна и безусловна во всех возможных мирах. Сама эта граница может быть установлена с помощью универсального принципа, но в конечном нормативном виде она приобретает форму простого запрета, который не зависит от социальных, природных или иных внешних условий. Например, убийство человека есть моральное зло при любых обстоятельствах, в любой ситуации и во все времена, а признание убийства абсолютным злом – необходимое минимальное условие добра. В противоположность абсолютизму, релятивизм утверждает, что константной границы между добром и злом не существует, что границы между этими понятиями динамично меняются и их значение определяется контекстом конкретной ситуации.

Деонтологический подход, традиционно тесно связанный с абсолютизмом, предполагает, что с моральной точки зрения ценны не столько последствия поступка, сколько сам поступок как таковой, безотносительно к его возможным последствиям и любым «гипотетическим» мотивам. В этой связи часто говорится о внутренней ценности (*intrinsic value*) поступка, не связанной напрямую с его внешней ценностью, которая определяется последствиями. Как отмечает Ч. Фрид, деонтология вместо понятия «благо» предпочитает оперировать такими понятиями, как «должное» и «недолжное»⁶. Эти понятия очерчивают границы морали, которые не совпадают с границами эмпирического мира, они «являются основаниями нашей моральной личности»⁷, условиями нашего бытия как разумных существ.

Для консеквенциалистского (телеологического) подхода в целом характерна оценка поступка с точки зрения его предвиденного результата, т. е. важен не столько сам поступок, сколько последствия, к которым он привел и контекст ситуации, в которой совершается выбор. Иными словами, консеквенциализм исходит из того, что именно «цели, а не средства определяют мораль»⁸ и составляют ее сущность. Поступок, соответствующий долгу, но который привел к негативным последствиям, оценивается в рамках консеквенциалистского подхода в целом отрицательно. Это не значит, что консеквенциализм, в отличие от деонтологии, ориентирован лишь на «внешнюю» ценность, определяемую последствиями; однако понятие «внутренней» ценности консеквенциализм приписывает только определенному положению дел в мире⁹. Поэтому, как отмечает Т. Нагель, консеквенциализм «преимущественно озабочен тем, что *произойдет*», в то время как «абсолютизм преимущественно озабочен тем, что он (моральный субъект. – Г.М.) *делает*»¹⁰.

При этом следует отличать «слабую», неабсолютистскую версию деонтологии от «сильной», т. е. абсолютистской. При обосновании своей позиции, первая может апеллировать к каким-то другим, необязательно консеквенциалистским условиям. Например, разграничивая разные смыслы морального требования – убийство невиновного всегда является злом, но убийство в рамках

⁶ *Fried C. Right and Wrong as Absolute // Absolutism and Its Consequentialist Critics. Lanham, 1994. P. 73–92.*

⁷ *Ibid. P. 74.*

⁸ *Ibid.*

⁹ *Williams B. A Critique of Consequentialism // Absolutism and Its Consequentialist Critics. Lanham, 1994. P. 93–107.*

¹⁰ *Nagel T. War and Massacre // Absolutism and Its Consequentialist Critics. P. 218.*

самообороны или во время защиты кого-то от агрессии не является убийством и может преподноситься даже как моральный долг. Таким образом, неабсолютистские деонтологи все-таки тем или иным образом обуславливают исполнение морального запрета. Иными словами, абсолютизм апеллирует к категоричности как существенной характеристики морального требования¹¹. Говоря кантовским языком, с точки зрения абсолютизма субъективная максима поступка должна определяться только объективной формой самого закона. И хотя такая постановка вопроса оспаривается даже некоторыми абсолютистами, она выражает внутренний идеал абсолютизма, его сущностную интенцию¹².

В целом, стратегия деонтологического подхода (и «сильной», и «слабой» версий) заключается в дезавуировании консеквенциалистского подхода с помощью апелляции к простым нравственным интуициям и доказательстве того, что утилитарист или любой другой сторонник консеквенциализма в своей десакрализации моральных запретов готов зайти так далеко, что граница между злом и добром утратит всякий смысл.

Аргументация консеквенциалистов во многом повторяет стратегию абсолютистов, но со знаком минус. Неизменна апелляция к интуиции, добавляется лишь большая настойчивость в призывах следовать здравому смыслу. Необходимо отметить, что из-за своих симпатий к абсолютизму с его дуалистической онтологией даже у «слабой» версии деонтологического подхода всегда возникали сложности с анализом так называемых «трудных случаев», которые во множестве разрабатывались его противниками и в которых жесткая (или относительно жесткая) привязка к требованию безусловности морального должностования всегда приводила к нелепостям и коллизиям со здравым смыслом и простой моральной интуицией. Именно в контексте обсуждения многочисленных «трудных случаев» и моральных дилемм – в форме сконструированных мысленных экспериментов или же реальных случаев – и строится полемика между современными консеквенциалистами и абсолютистами, что и определяет ее своеобразие.

Трудным случаем является и кантовский пример с человеком, прячущимся у друга от злоумышленника, хотя Кант, скорее всего, не согласился бы с такой трактовкой. Его пример нацелен на то, чтобы проиллюстрировать степень безусловности категорического императива – даже в ситуации риска для жизни (друга или самого действующего лица) необходимо говорить правду. С современной точки зрения пример Канта выглядит как мысленный эксперимент, поставленный для проверки теории – соответствует ли нормативная теория нашим моральным интуициям. Любопытно, что автором данного мысленного эксперимента является абсолютист, а не консеквенциалист, и, следовательно, этот мысленный эксперимент по своему замыслу должен служить не опровержением абсолютизма, а иллюстрацией того, что даже в таком случае абсолютная мораль сохраняет свой потенциал и внутреннюю когерентность.

Каковы мотивы Канта, когда он утверждает долг правдивости? Кант исходит из концепции автономной личности, для которой внутренняя цельность и собственная непогрешимость дороже блага другого человека, доверившегося

¹¹ *Fried C. Right and Wrong as Absolute. P. 76.*

¹² Однако абсолютизм может различаться по вопросу о нормативных границах этой категоричности. Все ли моральные нормы абсолютны или только некоторые из них, а может быть, вообще только одна из них?

ему. Его позиция крайне формалистична и легалистична. Как совершенно точно отмечает М. Терещенко, по Канту, «самооценка, самоуважение, присущее человеку, выступающему в качестве морального субъекта, в качестве сверхчувственного “разума”, рождается через отрицание, унижение той реальной эмпирической, конкретной индивидуальности, которая определяет человеческое своеобразие»¹³. Кант усматривает основу морали в отказе от эмпирической индивидуальности, что ведет к признанию иллюзорности рамок и границ между субъектами и утверждение единой, всеобщей воли как некоего надиндивидуального источника долженствования, метасубъекта морали. Только такая метасубъектная воля является автономной, и только в той мере, в какой она всеобща. Таким образом, эта автономная воля есть одновременно и субъект, и объект своего законодательства.

Это означает, что в этике Канта моральные обязательства и ответственность возникают только в пространстве абстрактного и чисто логического пространства всеобщего закона, где все конкретные «я» сливаются в одну коллективную, но только логическую субъектность. Проблема в том, что Кант, не будучи мистиком, приписал этой логической метасубъектности способность желания, что противоречило всей установке критического проекта его философии. Кант разглядел в моральном сознании его важную, действительно в какой-то мере присущую ему черту, – способность возвышаться над индивидуальным, групповым, и даже национальным интересом, поднимаясь на уровень абстрактных и универсальных принципов. Но Кант абсолютизировал эту способность, приписав ей помимо важной формально-структурирующей роли, которую она действительно выполняет, еще и способность полагать определенное нормативное содержание и даже способность воления. Его модель морали не эгоистическая, но, как отмечает М. Терещенко, солипсистская¹⁴ – для него все измеряется лишь по отношению к внутренней цельности и моральной автономии субъекта, замкнутого лишь на самого себя, на свое ноуменальное метасубъектное, всеобщее основание (человечество как таковое). Поэтому и благо другого человека для Канта не является такой уж большой моральной проблемой.

Основным апологетом Канта в дискуссии о допустимости лжи в описанной немецким философом ситуации, является академик А.А. Гусейнов¹⁵. Почему Гусейнову близок подход Канта и можно ли его собственную концепцию негативной этики отнести к тому же типу морального абсолютизма, что и концепцию Канта? Главная аксиома, на которой основывается логика аргументации Гусейнова, состоит в том, что мораль есть сфера индивидуально-ответственного мышления, то, что относится только к самой личности как таковой, формирует ее глубинную основу. Поскольку непосредственно мне доступно только мое собственное сознание, то и ответственен за какое-либо событие (поступок) я могу быть только в том случае, когда являюсь единственной его причиной. Я не могу и не должен судить о других, я могу судить только себя и о самом себе. Подобная логика сразу же отсекает возможность

¹³ Терещенко М. Такой хрупкий покров человечности. Банальность зла, банальность добра. С. 268.

¹⁴ Там же. С. 266.

¹⁵ Гусейнов А.А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо // О праве лгать / Под ред. Р.Г. Апресяна. С. 108–127.

какой-либо общественной, коллективной морали в смысле чего-то единого и целого. Общественная мораль складывается исключительно из суммы индивидуальных «моралей».

При такой постановке проблемы, в рамках которой моральность берется в своей идеальной чистоте – что, безусловно, напоминает подход Канта – областью специфической моральной ответственности могут быть только мотивы поступков. Даже сами поступки в той области, которая касается их реализации на практике, изымаются из области морали. Эту область Гусейнов именуется зоной специальной ответственности, заимствовав этот термин у Бахтина. Поэтому единственной формой подлинно морального поступка для него является негативный поступок. Только негативный поступок может целиком находиться в зоне свободы воли личности, поскольку отказаться от свершения какого-либо поступка можно всегда – пока поступок не совершен. Таким образом, исходя из определенной дескриптивной характеристики морального сознания – способности личности целиком и полностью отвечать за свой поступок, быть его единственной причиной – Гусейнов выстраивает всю логику своей теоретической позиции и нормативной этики. Такая позиция, действительно, очень близка к тому типу морального абсолютизма, к которому принадлежит и этика Канта.

Как и для Канта, для Гусейнова моральный абсолютизм воплощается не столько в сфере собственно поступков, сущего, сколько направлен исключительно на идеально-должное, на установление абсолютной границы между добром и злом. Поэтому не столь уж важно, каков реальный эмпирический субъект поступка – важно его отношение к этому поступку как морального субъекта. Эмпирический субъект, таким образом, не совпадает с моральным субъектом. И это двоение мира на должное и сущее, как и самого субъекта поступка – на морального и эмпирического – является характерной чертой морального абсолютизма вообще.

Из этой абсолютистской логики вытекает своеобразное отношение к тем ситуациям, когда приходится выбирать меньшее зло. Этот выбор, по Гусейнову, вообще не находится в области морали. В ситуации выбора большего или меньшего зла человек вынужден руководствоваться какими-то иными, не моральными мотивами, а следовательно, это не является его ответственным выбором, не является компетенцией моральной ответственности. Суть позиции Гусейнова можно сформулировать так: не надо меньшее зло называть добром только потому, что оно кажется меньшим по сравнению с большим. Именно такое название зла, пусть и меньшего, добром, по Гусейнову, является моральным релятивизмом, т. е. позицией, согласно которой добро и зло – взаимоотношительные понятия, границы между которыми динамически меняются в зависимости от контекста, ситуации. Поэтому если человеку приходится убивать в целях самозащиты или на войне, то это вовсе не значит, что он совершает добро, и именно потому, что добро невозможно определить положительно.

С одной стороны, такая позиция позволяет нащупать «топос ураниос» морали, в котором личность тождественна самой себе, является богом почти в буквальном, неметафорическом смысле. В таком понимании воплощается великая рационально-критическая традиция европейской философии. С другой стороны, такое понимание морали, как и у Канта, на мой взгляд, слиш-

ком абстрактное. Это почти полная стерильность. Как и у Канта, у Гусейнова происходит раздвоение субъекта на морального и эмпирического, при этом моральный субъект оказывается лишенным чего-либо частного, индивидуального. Это абстрактный субъект, человечество как царство целей самих по себе, субъект, который присутствует в каждом человеке в равной мере. Однако постулирование такого абстрактного, надындивидуального или даже «метасубъектного» (суперсубъектного) источника должностования чревато потерей «человекоразмерности» морали. Почему такой метасубъект, обладающий нагелевским «взглядом из ниоткуда»¹⁶ и основной характеристикой которого является незаинтересованность, должен судить с позиции именно человеческих интересов, если под ними понимать прежде всего стремление к добру и справедливости? Почему бы такому субъекту не встать на точку зрения вселенского закона или некоего Абсолютного духа? Именно для противостояния подобной сверх-абстрагирующей интерпретации Кант ввел второй практический принцип категорического императива, полагающий самого морального агента в качестве высшей ценности и задающий именно «человекоразмерный» статус морали, а Гусейнов вводит запрет на убийство и ложь. Однако даже при таком ограничении остается возможным трактовать высшую ценность морального агента как обусловленную именно приобщенностью к моральному закону, к ноуменальному миру, а не как целостного существа, обитателя в том числе и феноменального мира.

Но как же быть в случае конфликта двух равно абсолютных запретов? Очевидно, здесь возникает некая сложность, некий конфликт с жизненной практикой и моральной интуицией. Достойно сожаления, что многие сторонники последовательного абсолютизма в такой ситуации прибегают к не совсем прозрачной аргументации, словесным манипуляциям и неявным компромиссам со здравым смыслом. Так, С. Харрис, последовательный критик всех видов «белой лжи», разбирая кантовский пример, настаивает на необходимости сказать правду даже в подобной ситуации и при этом попутно обезвредить агрессора. (Как? Например, по-ковбойски припугнуть увесистым стволом револьвера. Правда, Харрис не уточняет, что делать тем, у кого нет револьвера). Очень неохотно Харрис, тем не менее, признает возможность лжи, но только в крайнем случае, если вы слишком слабы физически или не настолько находчивы, чтобы обезвредить агрессора. «Но это вовсе не означает, – отмечает Харрис, – что кто-то другой, более отважный и сообразительный, не сумел бы выкрутиться с помощью правды»¹⁷. Следует признать, что позиция Гусейнова гораздо более строгая и последовательная. Ложь есть ложь, и, раз признав ее морально недопустимой, мы должны навсегда исключить ее из своего репертуара практических средств.

И тем не менее, положительное решение проблемы конфликта обязанностей, на мой взгляд, необязательно связано с отказом от абсолютистской позиции. Почему-то в умах большинства исследователей именно кантовская модель абстрактного абсолютизма, с которой, очевидно, солидаризируется и А.А. Гусейнов, ассоциируется с моральным абсолютизмом как таковым. Хотя в истории этики были попытки построения принципиально иных видов абсо-

¹⁶ Nagel T. *The View From Nowhere*. Oxford, 1986.

¹⁷ Харрис С. Ложь. Почему говорить правду всегда лучше. М., 2015. С. 51.

лютизма, в основе которых лежала бы не замкнутая формальная структура, а иерархическая модель. К представителям подобного «иерархического», или, лучше сказать, «конкретного», абсолютизма можно отнести Ф.М. Достоевского, М. Шелера и А. Швейцера, а среди современных философов – А. Гевирта и Н. Гейслера.

А. Гевирт предпочитает вести обсуждение моральной допустимости в экстремальных ситуациях запрещенных в нормальных обстоятельствах поступков не в терминах абсолютных запретов, а абсолютных прав. «Право абсолютно тогда, когда оно не может быть отменено ни при каких обстоятельствах, т. е. никогда не может быть нарушено обоснованно и должно соблюдаться без каких-либо исключений»¹⁸, – пишет Гевирт. В качестве универсального критерия обоснованности моральных требований, коррелирующих с правами, Гевирт предлагает разработанный им «принцип общей когерентности» (the «principle of generic consistency», PGC). Базовые права, согласно этому принципу, являются необходимыми условиями поступка. В случае конфликта прав, приоритет согласно PGC должен быть отдан в пользу того права, выполнение которого является более необходимым для действия или поступка. В качестве наиболее вероятного «кандидата» на роль права, находящегося на вершине иерархии, по мнению философа, выступает право на жизнь (со стороны реципиента). В качестве его коррелята со стороны морального агента выступает негативный долг воздержания от убийства человека.

При этом Гевирт проводит принципиальную разницу между «конкретным абсолютизмом», проponentом которого он является, и «абстрактным абсолютизмом». Последний, с точки зрения Гевирта, больше озабочен виновностью или невиновностью морального агента, в то время как конкретный абсолютизм сфокусирован больше на «базовых правах». Конкретный абсолютизм при оценке поступков обязательно должен принимать в расчет их последствия, однако его консеквенциализм не абсолютен, а ограничен базовыми правами, вытекающими из PGC и которые не могут быть нарушены ни при каких обстоятельствах.

Любопытно, что в отличие от доктрины двойного эффекта, которую Гевирт критикует, сам он не проводит категорической разницы между негативными и позитивными обязанностями. Последние не менее абсолютны, в том случае, если они касаются базовых прав. Поэтому, с точки зрения Гевирта, в примере Канта из трактата «О предполагаемом праве лгать из человеколюбия» необходимо солгать нападающему, потому что право на истину, к которому апеллирует преступник, менее фундаментально, чем право на жизнь, которой рискует друг.

Хотя другой англо-американский философ, Н. Гейслер является сторонником так называемой «теории божественной заповеди» (Divine command theory), его нормативно-этическую позицию можно описать как деонтологическую, более специфицировано – как «иерархический абсолютизм» или, по аналогии с подходом Гевирта, «конкретный абсолютизм». Суть его идеи о том, как избегать конфликтов между моральными абсолютами, сводится к предложению выстроить их в иерархию по степени концептуальной близости к сво-

¹⁸ Gewirth A. Are There Any Absolute Rights? // *Absolutism and Its Consequentialist Critics*. P. 129–146; 130.

ему источнику (Богу). Знаменательно, что и Гейслер, и Гевирт настаивают на употреблении термина «абсолютный» даже к низшим членам «вертикали абсолютов». «Каждый моральный закон, – пишет Гейслер, – абсолютен в своей сфере. Например, ложь как таковая всегда неправильна. Однако при столкновении с обязанностью спасти жизнь для принципа правды делается исключение, хотя даже тогда сама обязанность правдивости остается в силе»¹⁹. Гейслер иллюстрирует это на примере с магнитом – хотя сила электромагнитного взаимодействия во много раз сильнее гравитационного, электромагнетизм вовсе не отменяет силу гравитации, а, скорее, временно приостанавливает.

Как мне кажется, если исходить из абсолютного запрета на убийство как некой аксиоматической точки, размывание которой грозит разрушением всей логики морали, но при этом являющейся только негативной «базой» для позитивной консеквенциалистской надстройки, как предлагают Гевирт и Гейслер, то мы сможем перейти к активному утверждению ценности человеческой жизни и ее потребностей как высшего, ни к чему не редуцируемого блага. Такой синтез негативной и позитивной этики в концепции конкретного абсолютизма, на мой взгляд, вполне возможен.

Оба пути по отдельности имеют свои преимущества и свои недостатки. В случае позитивной этики мы имеем слишком расплывчатый критерий, которым достаточно легко манипулировать. В случае негативной этики мы имеем только абсолютную границу между добром и злом, но еще не само добро; эта граница становится чистым добром только в экстремальной, катастрофической ситуации. Иными словами, негативная этика определяет границу человечества вообще, обозначает то, что делает нас людьми, но еще не дает нам универсального критерия добра и зла для повседневной жизни на уровне семьи, коллектива, где чаще всего требуется и консеквенциалистско-компромиссная логика.

К тому же существует и другая проблема: является ли обман в смоделированной Кантом ситуации только морально возможным и оправданным меньшим злом, как это полагает К. Корсгаард²⁰, или же он с моральной точки зрения необходим и обязателен? Иными словами, должна ли мораль санкционировать ложь в данной ситуации как добро? У Гевирта получается так, что ложь в данной ситуации объявляется позитивной обязанностью. Необходимость солгать выглядит именно как моральная необходимость, долг морального агента. Однако не означает ли это санкционирования лжи как морального добра – пусть и в рамках одной только ситуации? В этом заключается проблема – и задача на будущее для тех моралистов, которые хотели бы совершить синтез абсолютизма и консеквенциализма.

Х. Арендт с присущей ей тонкостью однажды подметила интересную корреляцию между идеями Канта и Достоевского²¹. Оба видели во лжи начало зла, потому что именно ложь – прежде всего ложь самому себе, своему внутреннему голосу совести – делает возможным все виды зла, убийство, предательство. «Нечестность, – пишет Кант, – есть отсутствие совестливости, т. е. ясности

¹⁹ Geisler N. Any absolutes? Absolutely! // Christian Research Institute, 2009, April 17th. URL: <http://www.equip.org/articles/any-absolutes-absolutely/> (дата обращения: 20.07.2014)

²⁰ Corsgaard M.C. The Right to Lie: Kant on Dealing with Evil // Deontology / Ed. by S. Darwall. 2003. P. 212–235.

²¹ Арендт Х. Некоторые вопросы моральной философии // Арендт Х. Ответственность и суждение. М., 2013. С. 100.

признания перед своим внутренним судьей»²². Как это близко к учению Зосимы и к позиции Гусейнова: «Главное – самому себе не лгите. Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть, входит в неуважение и к себе и к другим»²³. Как могло совершиться преступление Раскольникова? Прежде всего за счет постоянной лжи Раскольникова самому себе – он пытался обмануть самого себя.

Таким образом, пафос морального абсолютизма в отношении принципа правдивости, с моей точки зрения, должен состоять вовсе не в том, чтобы лгать или не лгать, когда это необходимо для предотвращения гибели человека – когда на кону человеческая жизнь, нужно делать все возможное для ее сохранения, в том числе, конечно, и лгать, – а в том, чтобы не подменять понятия, называя меньшее зло добром, как предупреждает об этом А.А. Гусейнов. Зло, пусть и меньшее, должно оставаться злом. И когда необходимо выбирать между меньшим и большим злом, акт выбора в пользу меньшего зла в силу необходимости не должен объявляться добром по преимуществу. Иначе это и будет ложь, к тому же самая худшая – ложь самому себе, ложь компромиссной морали в бескомпромиссной ситуации. Вероятно, единственный способ избежать соскальзывания по наклонной плоскости зла – использовать компромиссно-консеквенциалистскую и бескомпромиссно-абсолютистскую логики параллельно, т. е. постоянно проверять свои подлинные мотивы и проверять их высоким стандартом абсолютной морали, постоянно осознавать свою ложь именно как ложь, допуская ее только там и тогда, когда это действительно меньшее зло.

Отчасти такой подход, где абсолютность основы обеспечивает деонтологический уровень, а действенность и гибкость в отношении живой практики – консеквенциалистский, напоминает принцип «двухуровневой теории», описанный К. Корсгаард²⁴. Корсгаард удалось показать, как с помощью этого принципа можно дополнить этику Канта таким образом, чтобы формула универсального закона обеспечивала бы «точку, в которой мораль становится бескомпромиссной»²⁵. Иными словами, этот механизм позволяет опосредовать отношение между сущим и должным как между настоящим и будущим, задать абсолютную мораль как идеальную, пусть и утопическую цель. В то же время эта цель не витает где-то как некая абстракция сама по себе и для себя, а находится в постоянном «диалоге» с реальностью, задает ее нормативные границы и смысл. Как мне кажется, только такое моральное бодрствование и постоянная рефлексия при обращении к деонтологическому уровню этики способны предотвратить использование компромиссной логики меньшего зла в ситуациях, требующих переключения в бескомпромиссную логику, а значит – сохранить свободную человеческую индивидуальность и ответственного морального субъекта.

²² Кант И. Метафизика нравственности // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз.: в 4 т. / Под ред. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 3. М., 1997. С. 824.

²³ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. Л., 1991. С. 50.

²⁴ Cristine M. Korsgaard. The Right to Lie: Kant on Dealing with Evil. P. 235.

²⁵ Ibid. P. 231.

Список литературы

- Арендт Х.* Некоторые вопросы моральной философии // *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2013.
- Гусейнов А.А.* Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо // О праве лгать. Под ред. Р.Г. Апресяна. М.: РОССПЭН, 2011. С. 108–127.
- Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. Л.: Наука, 1991. 697 с.
- Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 740 с.
- Кант И.* Основоположение к метафизике нравов // *Кант И.* Соч. на нем. и рус. яз.: в 4 т. / Под ред. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 3. М.: Моск. филос. фонд, 1997. С. 39–275.
- Тереценко М.* Такой хрупкий покров человечности. Банальность зла, банальность добра. М.: РОССПЭН, 2010. С. 67–94.
- Харрис С.* Ложь. Почему говорить правду всегда лучше. М.: Альпина Паблишер, 2015. 143 с.
- О праве лгать / Под ред. Р.Г. Апресяна. М.: РОССПЭН, 2011. 392 с.
- Corsgaard M. Cristine.* The Right to Lie: Kant on Dealing with Evil // *Deontology*. Ed. by S. Darwall. Blackwell Publishing, 2003. P. 212–235.
- Fried C.* Right and Wrong as Absolute // *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 1994. P. 73–92.
- Geisler N.* Any absolutes? Absolutely! // *Christian Research Institute*, April 17th, 2009. URL: <http://www.equip.org/articles/any-absolutes-absolutely/>
- Gewirth A.* Are There Any Absolute Rights? // *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 1994. P. 129–146.
- Hare R.M.* The Language of Morals. Oxford, Clarendon Press, 1960. 202 p.
- Milgram S.* Obedience to Authority. N.Y.: Harper & Row, 1974. 256 p.
- Nagel T.* War and Massacre. *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 1994. P. 217–237.
- Williams B.* A Critique of Consequentialism // *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 1994. P. 93–107.

Moral Absolutism and Noble Lie

Gleb Mekhed

PhD in Philosophy; e-mail: mekhed_gleb@mail.ru

The author analyzes the approach to the problem of lie proposed by Kant in the essay “On the alleged right to lie from philanthropy” which caused a vivid discussion in Russian ethics. In everyday life we usually guided by the logic of common sense and we are constantly focused on searching for compromises. Therefore, it is very difficult to switch to another logic – the logic of uncompromising morality when it is necessary to preserve the human dignity and individual freedom. Nonetheless, it may be heartless to follow the unconditional imperatives of formal morality in usual life. Obviously, the Kantian commitment to tell nothing but the truth in any situation contradicts intuitions of commonsense morality. The main value for Kant is the internal integrity and moral autonomy of the subject, focused only on himself, his noumenal and panhuman basis. A brief excursion into the specification and typology of ethical absolutism taken by the author allows determining the position of Kant and his followers

as an abstract absolutism. At the same time, the rejection of abstract absolutist approach to the issue of lie does not necessarily lead to the rejection of absolutism in general, as it is demonstrated in the analysis of alternative ethical positions of A. Gewirth and N. Geisler. In conclusion, the author poses the question of the possibility of combining the deontological and consequentialistic position within a coherent normative doctrine.

Keywords: ethics, moral absolutism, deontology, consequentialism, lie, Immanuel Kant, Abdusalam Guseinov, Alan Gewirth, Norman Geisler

References

- Arendt, H. "Nekotorye voprosy moral'noi filosofii" [Some Issues of Moral Philosophy], trans. by D. Aronson, in: H. Arendt. *Otvetstvennost' i suzhenie* [Responsibility and Judgment]. Moscow: Gaidar's Institute Publ., 2013, pp. 83–204. (In Russian)
- Corsgaard, M.Cr. "The Right to Lie: Kant on Dealing with Evil", *Deontology*, ed. by S. Darwall. Oxford: Blackwell Publ., 2003, pp. 212–235.
- Dostoevskii, F.M. *Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov], *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 9. Leningrad: Science Publ., 1991. (In Russian)
- Fried, C. "Right and Wrong as Absolute", *Absolutism and its consequentialist critics*, ed. by J.G. Haber. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 1994, pp. 73–92.
- Geisler, N. "Any absolutes? Absolutely!", *Christian Research Institute*, 2009 (April). Available at: <http://www.equip.org/articles/any-absolutes-absolutely/> (accessed on 20.07.2014)
- Gewirth, A. "Are There Any Absolute Rights?", *Absolutism and Its Consequentialist Critics*, ed. by J.G. Haber. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 1994, pp. 129–146.
- Guseinov, A.A. "Chto govoril Kant, ili Pochemu nevozmozhna lozh' vo blago" [What Did Kant Say or Why Is Noble Lie Impossible], *O prave lgat'* [On Right To Lie], ed. by R.G. Apressyan. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, pp. 108–127. (In Russian)
- Hare, R.M. *The Language of Morals*. Oxford: Clarendon Press, 1960. 202 pp.
- Kant, I. "Osnovopoloshenie Metafiziki нравственности" [Groundwork fo the Metaphysics of Morals], *Sochineniya na Nemetskom i Russkom yazykah* [Works in German and Russian], ed. by N. Motroshilova, B. Tushling, vol. 3. Moscow: Moscow Philos. Fund Publ., 1997. pp. 39–275. (In Russian)
- Kharris, S. *Lozh'. Pochemu govorit' pravdu vseгда luchshe* [Lie. Why Truth Telling Is Always Better], trans. by E. Bakusheva. Moscow: Alpina Publ., 2015. 143 pp. (In Russian)
- Milgram S. *Obedience to Authority*. New York: Harper & Row, 1974. 256 pp.
- Nagel, T. "War and Massacre", *Absolutism and its consequentialist critics*, ed. by J.G. Haber. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 1994, pp. 217–237.
- Apressyan R.G. (ed.) *O prave lgat'* [On Right To Lie]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 392 pp. (In Russian)
- Tereshchenko, M. *Takoi khрупkii pokrov chelovechnosti. Banal'nost' zla, banal'nost' dobra* [So Fragile Cover Of Humanity. The Triviality Of Evil, The Triviality Of Good]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 67–94. (In Russian)
- Williams, B. A "Critique of Consequentialism" in: *Absolutism and its consequentialist critics*. Ed. By J. G. Haber. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 1994, pp. 93–107.
- Zimbardo, F. *Effekt Lyutsifera. Pochemu khoroshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeev* [The Lucifer Effect. Understanding How Good People Turn Evil], trans. by A. Svivka. Moscow: Alpina non-fiction Publ., 2013. 740 pp. (In Russian)